

А.Ю. МАКШАНЧИКОВА, Е.А. НИКИШИН, Д.С. ПОПОВ

ВНЕГОРОДСКИЕ ЛОКАЛЬНОСТИ: ГИБРИДИЗАЦИЯ «СЕЛЬСКОГО» И «ГОРОДСКОГО» В ПРОЦЕССЕ МИГРАЦИИ ГОРОЖАН В СЕЛЬСКУЮ МЕСТНОСТЬ

МАКШАНЧИКОВА Алена Юрьевна (ayupetrova@hse.ru), НИКИШИН Егор Александрович (enikishin@hse.ru) – аспиранты Школы социологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ПОПОВ Дмитрий Сергеевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (dmtrppv@gmail.com). Все – Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена исследованию производства внегородских локальностей как следствия переезда горожан трудоспособного возраста в сельскую местность. В фокусе исследования – процессы дезурбанизации, мобильности (физической, из города в сельскую местность, социокультурной) и конструирования новых сельских локальностей горожанами. Эмпирической базой послужили глубинные интервью, полученные в ходе междисциплинарной исследовательской экспедиции в Костромской области. Развивается концепция «конструирования локальности», раскрывается специфика этого процесса, выделяются черты новых гибридных пространств, идентичностей и стилей жизни горожан в сельской местности. Исследование затрагивает переезд из города в сельскую местность, профессиональную деятельность переселенцев, их взаимодействия с социальным окружением. Показано, что, с одной стороны, конструируемые городскими мигрантами локальности наполняют сельское пространство гуманистическими смыслами, открывают возможности его рационального использования, делая привлекательным и формируя ресурсные потоки и связи с городом. С другой – обозначено стремление к репликации квазитрадиционной «сельскости» и формированию своего рода «тематических парков», симуляционных в своей основе и культурно неукорененных и в локальных сельских сообществах Ближнего Севера: происходит разделение между локальными сообществами и горожанами-мигрантами.

Ключевые слова: дезурбанизация • производство локальностей • мобильность • Ближний Север

DOI: 10.31857/S013216250007751-9

Проблематизация темы нашей статьи строится на противоречии, закравшемся в определения «село», «деревня», присутствующем в современных исследованиях. Коннотация «сельского» как «сельскохозяйственного», «крестьянского», часто встречающаяся и в актуальных публикациях [Бондаренко, 2016], не раскрывает специфики трансформаций внегородских пространств. В исследованиях современных сельских пространств доминирует слабо насыщенная теорией модель описания: «сельская местность» продолжает рассматриваться по отношению к сельскому хозяйству как сырьевой придаток города. Основной проблемой являются растущие показатели оттока сельских жителей в города, угрожающие основной функции села: обеспечение городов ресурсами, и, соответственно, ведущие к кризису, деградации сельской местности. Так, основными причинами переезда сельских жителей Л. Бондаренко считает низкие доходы, уровень образования и здравоохранения, отсутствие «перспектив». Данная тенденция действительно существует, но ряд исследователей акцентируют другие процессы.

В современном мире (как и в России) сельская местность разнородна: прилегающие к городам территории значительно отличаются от периферийных районов, но глобальные тенденции, новые технологии и миграционные потоки проникают и в отдаленные регионы [Покровский, Нефедова, 2013]. К примеру, уровень теле- и радиопотребления в российской внегородской местности выше, чем в мегаполисах [Тощенко, 2017]. Так, Ж.Т. Тощенко в качестве трендов трансформации сельской местности отмечает увеличение количества рекреационных, экскурсионных, экологических поселений. Вдобавок связь с городом становится доступнее, время в дороге сокращается, что влечет за собой возникновение форм одновременного проживания и в селах, и в городах, и в сельской местности – жизнь «на два дома» [Нефедова и др., 2016]. Таким образом, одним из ключевых факторов, влияющих на трансформацию сельской местности, становятся миграционные потоки городских жителей во внегородские пространства. Актуальные исследования в регионе Ближнего Севера демонстрируют, что с переселенцами во внегородское пространство интенсивно проникает городская культура [Покровский, Нефедова, 2013; Нефедова и др., 2016].

Возникновение новых внегородских анклавов городской культуры приводит к реинтерпретации пространства. Городские мигранты иначе определяют свое новое сельское окружение, присваивая материальным и нематериальным объектам (домам и поселению, природе и ландшафту, сообществам и институтам, локальным культурно-историческим артефактам и т.д.) новые смыслы, отличные от тех, что приняты и привычны для коренных деревенских жителей. Причем, давая эти новые определения, экс-горожане деятельно участвуют в изменении своей новой среды будучи, таким образом, вовлечены в символическое и материальное производство локальности. Сельская местность переопределяется и реконструируется в новой гибридной сельско-городской логике. Ключевым становится пространство: вокруг (и по поводу) него продуцируются новые смыслы и возникает символическая конкуренция. Социокультурные трансформации захватывают материальную среду, которая становится ресурсом совершенно иного образа жизни. Действия по формированию этой среды и смыслы, которые вкладываются в эти действия, требуют детального осмысления и изучения.

Основная цель статьи – экспликация на основе качественного исследования практик определения сельской местности городскими мигрантами. В фокусе исследования оказываются вопросы, связанные с переездом из города в сельскую местность, с профессиональной деятельностью переселенцев, их взаимодействием с социальным окружением. Через эти три доступных в виде нарративов сюжета мы делаем попытку понять и реконструировать культурные контуры вновь формируемых локальностей.

Исследования дезурбанизации: актуальная повестка. Определение дезурбанизационной мобильности, доминировавшее в социальных науках 1980–1990-х гг. [Fielding, 1982: 19] и до сих пор применяемое в ряде современных исследований [Adamiak et al., 2016] – миграция из городской в сельскую местность, мотивированная желанием постоянно проживать в этой местности, получить доступ к ее физическим и социальным ресурсам, – требует переосмысления. Отказаться от дихотомии «городское – сельское» позволяют более «мягкие» концепты: в частности, широко известно понятие сельско-городского континуума, учитывающего смешанный статус поселений [Пациорковский, 2012]. Однако сложности возникают и при выделении специфики городского и сельского – данная проблема фигурирует и в недавних работах. Отмечается, что внегородские пространства «приобретают “смешанный” облик, воплощая в себе черты как городской, так и сельской жизни» [Бреславский, 2017: 281]. Это не единственное противоречие в традиционной модели дезурбанизационных исследований. 1. Авторы продолжают отталкиваться от ряда статичных понятий, таких как «постоянное место жительства», которые следует вынести за скобки актуальной концептуальной модели [Halfacree, 2012]. 2. Миграция, как переезд объекта из точки А в точку В *навсегда*, не учитывает современных реалий продолженной ('ongoing') миграции, постоянной мобильности и перемещений в пространстве.

В социологической литературе по проблемам дезурбанизации предприняты попытки преодолеть указанные ограничения. В нескольких эмпирических исследованиях сельская местность рассматривается без привязки к сельскохозяйственной деятельности в регионах, сталкивающихся со схожей с российской спецификой изменения внегородских территорий. В частности, такие исследования были проведены в Испании, Дании и Канаде [Herslund, 2012; Solana-Solana, 2010; Mitchell et al., 2005]. Наше исследование призвано дополнить эти кейсы. Но теоретический ракурс нашей работы заметно отличается. В ее центре – проблема конструирования локальности, задающая общую исследовательскую логику, применимую для изучения экспансии горожан в деревню. Проблема производства локальности в социологической литературе занимает серьезное место. Создатель этой концепции социолог и антрополог А. Аппадурай видит локальности как части противоречивых и зачастую внутренне конфликтных местных систем – этноскейпов [Appadurai, 1996]. Аппадурай рассматривает локальность как один из аспектов социальной жизни, социальную форму, которая создается силами местных сообществ или соседств ('neighborhoods'). Исследователь предлагает смотреть на местные ритуалы, хозяйственные практики, архитектурные техники, знания как на способы постоянного производства и воспроизводства сообщества. Но одновременно производство локальности – это и материальное производство: строительство домов, организация дорог и троп, создание и поддержание садов и полей, культурное маркирование и использование окружающей территории. В этом смысле формирование сообществ и производство локальностей связаны с властными отношениями. Локальность предстает перед нами как поле борьбы сообществ, одним из которых становится сообщество экс-горожан. Каждое из них обладает набором действий и культурных определений, связанных с локальностью.

Важна для данной работы также концепция динамических гетеролокальностей, предложенная У. Зелински и Б. Ли [Zelinsky, Lee, 1998] и развитая К. Халфакри [Halfacree, 2012], позволяющая по-новому осмыслить и описать процесс миграции горожан в сельскую местность. Понятие «гетеролокальности» изначально применялось к мигрантам, приезжающим в крупные города, но сохраняющим экстерриториальную связь со своей этнической группой. Таким образом описывалось противоречие между текущим местом проживания мигрантов и «транснациональной» идентичностью, принадлежностью к удаленному этническому сообществу. Халфакри убирает из этой концепции понятие этничности и предлагает сфокусироваться на одновременности, множественности проживания ('dwelling') в разных пространствах. Исследуя «вторые дома» (или дачи), Халфакри утверждает, что в мобильном мире образуются множественные гетеролокальные идентичности, привязанные сразу к нескольким местам проживания [там же: 212]. Основная задача этого исследователя – подчеркнуть темпоральный, непостоянный статус миграции и дополнить список «контрурбанизантов» различными группами потребителей сельских пространств (дачники, туристы, «маятниковые» мигранты и т.д.). Однако автор не описывает повседневность переселенцев и процесс производства их новых идентичностей, не рассматривает, как потребление множественных пространств меняет локальность сельской местности, придает ей новые смыслы. Мы предпринимаем попытку сделать это в данной статье.

Исследования процесса производства внегородских локальностей на Ближнем Севере России мы понимаем в русле теории А. Аппадурай и К. Халфакри – как гетерогенный процесс, в котором горожане запускают обновление внегородской среды с учетом предыдущего городского опыта и потребности в обновлении повседневных практик. Мы уделяем особое внимание гибридации «сельского» и «городского», то есть смешению множественных гетеролокальных идентичностей, стилей жизни и практик взаимодействия с материальным окружением, возникающих при столкновении переселенцев с новым пространством и его населением. В рамках данного подхода эти пространства образуют локальности нового рода, уже не «городские» и не «сельские», обладающие рядом разнородных признаков.

Об исследовании. Являясь уникальным пространством, ойкумена Ближнего Севера представляется релевантной анализу актуальных тенденций глобальных процессов дезурбанизации, создания сельско-городских сообществ и новых способов освоения внегородских территорий. Во-первых, регион расположен вблизи двух «столиц», связан с ними железнодорожной сетью и транспортными путями. Во-вторых, регион является экологически чистым местом концентрации девственной «неиспользуемой природы» [Баскин, 2013], одного из основных аттракторов для городских мигрантов. В-третьих, в регионе наблюдаются двунаправленные миграционные процессы: сельские жители покидают деревню, концентрируясь в региональных центрах, при этом наблюдается прирост городских переселенцев и дачников. В-четвертых, столкновение данных потоков становится наиболее явным в разреженной социально (демографически) среде, поэтому мы намеренно не рассматриваем регионы с иной плотностью населения и масштабами экономик.

Большинство междисциплинарных исследований территорий Ближнего Севера связаны с Мантуровским районом Костромской области, где с 2003 г. располагается экспедиционная база «Угорского проекта»¹. В рамках проекта осуществлена междисциплинарная исследовательская экспедиция в деревни Палома, Шилово, Угоры, Копцево, Дмитриево, Леонтьево и др. в августе 2017 г. Во время экспедиции собраны основные эмпирические материалы – 37 глубинных интервью. Перед экспедицией был совершен этап пилотажа: 5 интервью позволили доработать гайд с участием нескольких экспертов, что обеспечило двойную триангуляцию в ходе пилотажа.

Гайд для полуструктурированного глубинного интервью включал в себя блоки, описывающие повседневность горожанина в сельской местности, мотивацию для переезда и специфику организации трудовой деятельности.

Информантами стали представители научной и творческой интеллигенции, женщины и мужчины в возрасте 25–48 лет, отбор информантов проводился во всех поселениях по доступности. Интервьюирование местных жителей проводилось парами участников исследовательской команды. Основное ограничение – фокусировка на одном регионе при описании обширного и вариативного пространства Ближнего Севера. Для расширения выборки в сентябре–декабре 2018 г. собраны 15 дополнительных интервью из ряда непокрытых экспедицией районов Ближнего Севера: на основе имеющихся данных отбирались типичные случаи, далее дополнялись методом снежного кома.

Горожане в деревне: производство новых локальностей. Изучение миграции и конструирования локальности рассматривается в трех эмпирических сюжетах. Процесс социального конструирования горожанами «новой деревни» начинается задолго до переезда с формирования негативного образа города и, напротив, позитивного образа сельской местности. Поэтому в фокусе оказывается процесс переезда из города как своего рода кризисный биографический перелом. Демографически разряженное пространство Ближнего Севера России привлекает свободой социального конструирования, создания новых социальных форм и привнесения новых культурных образцов в сельские локальности. Через два других процесса – профессиональную деятельность и взаимодействие с локальным и нелокальным социальным окружением – выявляются значимые культурные ориентиры и намечаются контуры формируемой локальности.

Переезд из города в деревню: причины и следствия. Причинами переезда большинство информантов считает проблемы городской среды: перенаселение, непрерывно возрастающий трафик, высокий уровень преступности, загрязнение окружающей среды, ускоряющийся «темп жизни», недостаток близких связей и низкий уровень доверия. «То есть, в целом, среда городская она агрессивная, там большое скопление людей, это отражается на взаимоотношениях, люди не знают друг друга, эта вся среда для человека не естественная» (жен., 34 года, программист).

¹ «Угорский проект» – многолетнее исследование сельских жителей Ближнего Севера, организованного Сообществом профессиональных социологов.

Анализируя нарративы городских мигрантов, мы находимся в пространстве репрезентаций, где образы «городского» и «сельского» как и самого переезда могут формироваться непосредственно в ходе интервьюирования. Несмотря на это, данные репрезентации становятся источниками важных наблюдений: в частности, идеализируемое «сельское» почти всегда конструируется в оппозиции к негативному образу города. По мнению Э. Пайка, эта сельская идиллия ('rural idyll' – [Pike et al., 2010]), – часто встречающийся нарратив вне зависимости от культурной специфики, – конструируется в ответ на социально-экономический кризис, с которыми мигрант сталкивается в городском пространстве. Субъективно выделяемые точки данного кризиса, из которых, собственно, складывается комплекс «выталкивающих» и «притягивающих» факторов, у информантов различаются. В ряде случаев переезду способствовало травматическое событие (к примеру, неудача в профессиональной деятельности, утрата недвижимости). Другие информанты объясняют стремление к «земле» поиском альтернативного «стиля жизни», не выделяя конкретного кризисного события, но отмечая отсутствие перспектив любого рода. «Все началось с того, что мы подумали, что картина на 10 лет вперед в городе нас не особо устраивает, потому что будущее уже понятно и не перспективно, то есть кабала» (муж., 30 лет, занимается домохозяйством, предприниматель). Говоря о ключевых отличиях сельской среды, информанты отмечают безопасность и доверие, что сводится к предварительному отбору дестинации: к примеру, в большинство экопоселений допускают только прошедших несколько проверок мигрантов.

В контексте смены внешних обстоятельств информанты также рассуждают о формировании некой самостоятельной ответственности за происходящее на собственной территории или в доме, отмечают значительное характерное отличие жизни в малом поселении от жизни в городской среде, минимизацию экологических и эстетических раздражителей: «Хотелось жить на своей земле в экологически чистом месте рядом с лесом, иметь возможность есть натуральные продукты, работать своими руками на себя» (муж., 44 года, радиоведущий, изготавливает гусли).

Информанты отмечают общее снижение уровня напряженности в семье, индивидуальной и общей напряженности в городе (транспорт, повышенная нервозность горожан и пр.). «Я стал более спокойным... когда ты живешь в гармонии с природой, психика начинает меняться» (муж., 45 лет, строит купольные дома).

Происходит идеализация деревенской жизни: сохранение и реконструкция старых изб, формирование «музеев» деревенского быта. Дачники дают новую жизнь архаическим предметам крестьянского быта, превращают в музейные экспонаты старые косы, печи, прялки. Первоначальные функции некоторых предметов уже непонятны их коллекционерам. Большинство мигрантов склонны тратить значительные средства на поддержание традиционного облика их жилищ. «Мы сделали музей <...> крестьянского быта, эта деревянная культура, потрясающая, железо Баумана. И прялки, и все, что можно из дерева... Неведомая нам культура» (жен., 52 года, преподаватель).

Конструирование горожанами сельских локальностей начинается до переезда в сельскую местность как результат личностного или социального кризиса, выталкивающего из города. На фоне определений сельского коренными жителями как «бесперспективного», «умирающего», «депрессивного» у городских мигрантов совершенно иной дискурс, ориентированный на проблемы социального доверия, экологические и эстетические проблемы: важности природных ландшафтов, чистоты (зачастую мнимой) продуктов питания и природной среды, идеализация «старой деревни», материально проявляющаяся в сохранении и реконструкции старых изб, формировании «музеев» деревенского быта.

Взаимодействия с городом: работа и бизнес в сельской местности. Все респонденты отмечают особую важность технического обеспечения работы и коммуникаций, значительное изменение социального протокола, необходимости в очном взаимодействии индивидов в процессе работы. Таким образом, возникает «гибридный» вид занятости, при котором важно быть в доступе к Интернету, в то же время дистанцироваться от городского

пространства. Повседневная активность информантов зависит не только от рабочего расписания, но от погоды, наличия дел «по дому», «на земле». В жизни городских мигрантов появляется иная, отличная от прежней, городской, темпоральность, тесно связанная с новой локальностью.

Контрастные процессы урбанизации и дезурбанизации, единовременно протекающие, позволяют наблюдать корректировки в отношении людей к физическому рабочему месту и коммуникациям в процессе организации быта и труда. Информанты реализуют противоположные жизненные стратегии: некоторые погружены в традиционную «сельскость», занимаются трудом, связанным с народными промыслами и т.д., другие продолжают удаленно работать на «городской работе», третьи комбинируют «традиционную» и «современную» работу.

Производство симулякров и распространение в быту «народных промыслов» отражают попытки мигрантов переносить из городских пространств в деревни практику коммерциализации важных для переселенцев культурных образцов и ориентиров. К примеру, один из опрошенных занимается производством гуслей с целью дальнейшей их продажи в интернет-магазинах в качестве сувенира, что представляется точным примером производства симулякров: предмет не используется по прямому назначению, его производство не ведется по «традиционным» шаблонам – происходит конструирование псевдоаутентичного «сельского», народного музыкального инструмента, на котором никто не играет. При этом производство в сельской местности – не более чем стратегия конструирования «подлинности» товара. Важность сохранения и воспроизводства так называемых «традиций» отмечается большинством опрошенных, наблюдается их идеализация. Например, впервые приехав в Костромскую область около 5 лет назад и бывая там месяц в году, один из информантов демонстрирует «патриотическую» установку по отношению к местному производству. *«Сейчас традиции по России возрождаются удивительно. В частности, костромская игрушка очень красивая и самая лучшая»* (жен., 32 года, продает поделки через Интернет). Однако данное производство существует только благодаря продажам в Москве, игрушки не интересны местным жителям. Эти наблюдения позволяют говорить о смене сельскохозяйственной модели на иные виды деятельности, как производственные, так и постпроизводственные (сфера услуг и т.д.), ориентированные в первую очередь на горожан. Данная деятельность сочетается с созданием некой «аутентичности» с выгодным, конвертируемым в прибыль, аттрактором для горожан.

Взаимодействие с социальным окружением. Наблюдаются существенные разрывы и барьеры между сельскими локальными сообществами и сообществами горожан-мигрантов. Неравенство и символическая конкуренция за переопределение локальности с учетом различающихся ориентиров проявляется в выражении противоположных взглядов на форматы организации быта и досуга. Зачастую местные жители отказываются от предложений горожан-мигрантов участвовать в совместном облагораживании территории.

У ряда местных жителей складываются собственные стратегии заработка на городских мигрантах, иногда основанные на прямом мошенничестве. Несколько информантов рассказали, что им предложили провести воду (скважину с подключением) за 35 тысяч рублей, при этом никаких работ по факту сделано не было. Контролировать ход работ, присутствуя в селе несколько недель в году, практически невозможно. При этом данная практика легитимируется другими местными жителями, комментирующими ситуацию фразой: «А чего вы ждали?» Ни один из опрошенных переселенцев не перенес конфликт в правовое поле.

Происходит корректировка жизненных ориентиров. На первый план выходит объединение внегородского сообщества мигрантов-горожан вокруг ценностей здорового образа жизни, улучшения окружающей среды: *«Здесь совершенно другое окружение людей. Если в городе мы вплотную соприкасаемся с совершенно нежелательным... населением: с алкоголиками, с наркоманами, с сумасшедшими, то в поселении у нас живут люди здоровые во всяком отношении: нас всех и объединяет стремление жить в здоровой среде, дать детям пример, как можно жить по-другому»* (жен., 26 лет, фотограф).

Информанты отмечают минимальное стремление к прямым социальным контактам. Те, кто сохраняет прочную связь с городской средой, отмечают, что работа как средство заработка не связана с конкретной географической точкой или физическим пространством, поскольку жизнь непрерывно находится в динамическом развитии. Преобладают частые переезды и смены физического присутствия в том или ином городе, месте, экстерриториальность. Многие переселенцы используют сельские дома как базу для регионального, районного туризма.

«Близлежащие городки замечательные – Макарьев, Ветлуга, Кологрив, Судиславль, Кинешма, везде ездим. Их очень много, и все это связано с какой-то историей» (жен., 46 лет, малый с/х бизнес). Информанты видят преимущества проживания за пределами города и работы на дому в свободном, мобильном и менее скованном, чем предлагает город, формате. Городская культура позволяет переселенцам развивать потенциал местности и использовать ресурсы для развития сфер поселения. В удаленных от города пространствах «городские интеллектуалы» стремятся продолжать профессиональную деятельность. Многие отмечают значительное изменение «социального протокола», способов и моделей взаимодействия людей: проживание и работа человека в крупном городе сопровождается мыслями о поиске дополнительного времени на личную жизнь и пространство. Технический прогресс способствует размытию границ личного и рабочего времени, приводит к транстерриториальности и отсутствию привязки к месту жительства. Наряду с важностью использования технических средств, информанты отмечают ситуацию «экстерриториальности» в жизни современного человека, трудности перемещений внутри больших городов, подчеркивают свободное распоряжение временем, силами и эмоциями в малом поселении. Однако возможности, предоставляемые новым пространством, далеко не всегда приводят к установлению контакта с местными жителями, образованию новых сообществ.

Как производятся гибридные пространства? В контексте изучения внегородских пространств мы можем говорить о формировании индивидами особой локальности – социального пространства со своими смыслами, рациональностью, организацией физического и социального пространства. В контексте «мобильной социологии», требующей рассмотрения динамичных, пересекающихся и созависимых мобильностей [Sheller, Urry, 2006: 212], меняется определение дезурбанизационных процессов. Ряд внегородских территорий (в том числе рассматриваемый нами кейс Ближнего Севера) оснащены широкополосным Интернетом, супермаркетами, заправками и удобствами, которые во многом воссоздают наше представление «городского». Данным контекстам релевантна концепция новых локальностей – изменчивых материальностей, идентичностей и стилей жизни, обладающих «городскими» и «сельскими» чертами. Отмечаются несколько тенденций конструирования новых локальностей: рациональное использование сельского пространства как экологичного и безопасного при контактировании с городом, воссоздание квазитрадиционной «сельскости» как тематического парка, создание нового типа поселений – «спящих пригородов», значительно выходящих за городские границы [Dirksmeier, 2008].

Конструируемые горожанами сельские локальности наделены гуманистическими смыслами. Экологичность, стремление к сохранению культурных образцов и формирование сообществ нового типа становятся отличительными чертами этих локальностей. Гибридный характер новых сообществ приводит к привлечению из города ранее недоступных ресурсных потоков (информационных, денежных, технологических), способствующих экономическому и социальному развитию депрессивных территорий Ближнего Севера России. Вместе с тем характер конструируемых локальностей, их культурная неукорененность на местности и в местных сообществах, гибридность заставляет искать социологический язык описания этих процессов.

Антрополог и этнолог М. Оже предлагает различать место и пространство, подчеркивая конкретность и локальную, культурную темпоральную (историческую) укорененность первого и абстрактность второго [Auge, 1995]. Из этого различения возникает особый теоретический конструкт – понятие не-места (non-place), которое, соответственно,

не исторично и не связано с идентичностью. В какой степени появление горожан в сельском пространстве и попытки создания локальностей связано с антропологическим местом? Мы видим значительное количество практик: от сохранения изб до формирования музеев крестьянской утвари и быта [Нефедова и др., 2016; Ильин, 2017], которые выглядят как симуляционные и продуцирующие симулякры. Эти практики существуют наряду с виртуализацией сообществ, с темпорально прерывистыми находениями в сельских локальностях. В случае «традиционных» культур «деревня аборигенов» представляла собой самодостаточный эмпирически наблюдаемый объект исследования, позволяющий абстрагировать из него теоретические объекты исследования (родство, мифология, магия, ритуалы и т.д.). В современном мире такие «деревни» скорее исключение, чем правило.

Отметим наличие противоположных тенденций – помимо рационального использования сельской территории как экологичного, безопасного, разреженного пространства, происходит процесс конструирования «традиционной сельскости», приобретающий разнообразные формы. В частности, отдельные переселенцы и члены ряда экопоселений, родовых поместий конструируют собственные образы аутентичной традиционалистской «сельскости», которая создается в противопоставление городу. Но такой образ, как и занятие народными промыслами, не противоречит проживанию в доме, оборудованном по последнему слову техники, постоянной связи с городом, ведению бизнеса. Разговоры о возвращении к истокам, некой «естественности проживания» сочетаются с жестким отбором членов экопоселений, неприятием местных жителей. Противоречия, характеризующие гибридизацию «сельского» и «городского» в процессе дезурбанизации, позволяют говорить скорее о создании «тематических парков» (см., например, [Ritzer, 2003; Dear, Flusty, 1998]), в которых создается образ квазиаутентичной сельскости, но при этом выполняются все принципы ритцеровской «макдональдизации» – просчитываемость, эффективность, предсказуемость, контроль. Вступая в отношения с пространством, переселенцы создают новый гибридный формат жизни. В данном контексте важно учитывать не только специфику воспроизводства смыслов индивидами, привнесение глобальных ценностей и стилей жизни, но и взаимодействие с материальным пространством, что в комплексе приводит к развитию новых типов локальностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскин Л.М., Барышева С.Л., Прищепов А.В., Дубинин М.Ю. Экологический потенциал Ближнего Севера России и социально-экологическое планирование // Социологический ежегодник. 2013. С. 63–84.
- Бондаренко Л.В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 76–82.
- Бреславский А.С. Поправка на мобильность: как трудовая и дачная миграция влияет на расселение россиян? // Социологическое обозрение. 2017. № 1. С. 278–295.
- Ильин В.И. Русская изба в процессе трансформации от сельского жилища к даче // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 454–468.
- Нефедова Т.Г., Аверкиева К.В., Махрова А.Г. (ред.). Между домом и... домом: возвратная пространственная мобильность России. М.: Новый хронограф, 2016.
- Нефедова Т.Г., Николаева У.Г., Покровский Н.Е. Интеллигенция в пространственном измерении внегородской России // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 52–61.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.Г. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60–69.
- Пациорковский В.В. Пространственная организация постиндустриального общества: воспроизводство, движение и размещение населения // Россия и современный мир. 2012. № 4. С. 121–133.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. Клеточная глобализация и тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 13–23.
- Тощенко Ж.Т. Что представляет собой современное российское село? // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 89–98.
- Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–33.

- Adamiak C., Pitkänen K., Lehtonen O. Seasonal Residence and Counterurbanization: the Role of Second Homes in Population Redistribution in Finland // *GeoJournal*. 2016. Vol. 82. No. 5. P. 1035–1050.
- Appadurai A. The Production of Locality // Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996.
- Auge M. *Non-Places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London; New York: Verso, 1995.
- Champion A. Counterurbanization in Britain // *The Geographical Journal*. 1989. Vol. 155. No. 1. P. 52–59.
- Dear M., Flusty S. Postmodern Urbanism // *Annals of the Association of American Geographers*. 1998. Vol. 88. No. 1. P. 50–72.
- Dirksmeier P. Strife in the Rural Idyll? The Relationship between Autochthons and In-migrants in Scenic Regions of South Bavaria // *Erdkunde*. 2008. Vol. 62. No. 2. P. 159–171.
- Fielding A. Counterurbanisation in Western Europe // *Progress in Planning*. 1982. No. 17. P. 1–52.
- Halfacree K. Heterolocal Identities? Counter-urbanisation, Second Homes, and Rural Consumption in the Era of Mobilities // *Population, Space and Place*. 2012. Vol. 18. No. 2. P. 209–224.
- Herslund L. The Rural Creative Class: Counterurbanisation and Entrepreneurship in the Danish Countryside // *Sociologia Ruralis*. 2012. Vol. 52. No. 2. P. 235–255.
- Milbourne P. Re-populating Rural Studies: Migrations, Movements, and Mobilities // *Journal of Rural Studies*. 2007. Vol. 23. No. 3. P. 381–386.
- Mitchell C.J., Bunting T.E., Piccioni M. Visual Artists: Counter-urbanites in the Canadian Countryside? // *Canadian Geographer/Le Géographe canadien*. 2004. Vol. 48. No. 2. P. 152–167.
- Pike A., Dawley S., Tomaney J. Resilience, Adaptation and Adaptability // *Cambridge Journal of Regions, Economy, and Society*. 2010. Vol. 3. No. 1. P. 59–70.
- Ritzer G. Rethinking Globalization: Glocalization/Grobalization and Something/Nothing // *Sociological Theory*. 2003. Vol. 21. No. 3. P. 193–209.
- Sheller M., Urry J. The New Mobilities Paradigm // *Environment and Planning*. 2006. No. 38. P. 207–226.
- Solana-Solana M. Rural Gentrification in Catalonia, Spain: A Case Study of Migration, Social Change and Conflicts in the Empordanet Area // *Geoforum*. 2010. Vol. 41. No. 3. P. 508–517.
- Zelinsky W., Lee B. Heterolocalism: an Alternative Model of the Sociospatial Behaviour of Immigrant Ethnic Communities // *International Journal of Population Geography*. 1998. No. 4. P. 281–298.

Статья поступила: 17.07.19. Финальная версия: 02.09.19. Подписана в печать: 14.10.19.

EXTRA-URBAN LOCALITIES: HYBRIDIZATION OF 'RURAL' AND 'URBAN' IN THE PROCESS OF MIGRATION OF CITIZENS TO THE COUNTRYSIDE

МАКШАНЧИКОВА А.Ю.*, НИКИШИН Е.А.*, ПОПОВ Д.С.**

*National Research University Higher School of Economics, Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alyona Yu. MAKSHANCHIKOVA (ayupetrova@hse.ru); Egor A. NIKISHIN (enikishin@hse.ru) – both Ph.D. stud., Doctoral School of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Dmitry S. POPOV, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Associate Prof., National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (dmtrppv@gmail.com).

Acknowledgement. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-33-00065-OGN.

Abstract. Article examines the migration of urban working age middle-class citizens to rural areas. Research focuses on de-urbanization processes, mobility (both physical, from the city to rural areas, and socio-cultural), the construction of rural localities by the ex-citizens, and their interaction with local and city communities, as well as the new social realities emergence. The research is concentrated on the non-urban spaces of the Near North, where in-depth interviews were carried out during a cross-disciplinary expedition. Article is focused on moving from urban to non-urban spaces, professional activities of the settlers, and their interaction with social environment. We examine the 'production of locality' concept, specifics of new hybrid identities, and lifestyles of those moved to rural areas. There are several trends in the process of constructing new localities. On the one hand, the locality produced by city migrants fills rural space with 'humanistic' meanings, opens the door to its rational use, making it attractive while forming the resource streams, strongly connected to the city. However, at the same time there is a tendency of producing of quasi-traditional 'rurality' and 'theme parks' construction, simulacrum-like in its nature and not culturally rooted in the Near North and local rural communities everydayness.

Keywords: deurbanization, locality production, mobility, Near North.

REFERENCES

- Adamiak C., Pitkänen K., Lehtonen O. (2016) Seasonal Residence and Counterurbanization: The Role of Second Homes in Population Redistribution in Finland. *GeoJournal*. Vol. 82. No. 5: 1035–1050.
- Appadurai A. (1996) *The Production of Locality*. In: Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
- Auge M. (1995) *Non-Places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London; New York: Verso.
- Baskin L.M., Barysheva S.L., Prischepin A.V., Dubinin M.Y. (2013) Ecological Potential of Russian Near North and Socio-environmental Planning. *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Russian Annual Sociological Review]. No. 1: 63–84. (In Russ.)
- Bondarenko L.V. (2016) Development of Rural Areas of Russia: Assessments, Opinions, Expectations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 76–82. (In Russ.)
- Breslavskij A.S. (2017). Correction for Mobility: How Do Labor and Dacha's Migrations Influence the Settlement of Russians? *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. No. 1: 278–295. (In Russ.)
- Champion A. (1989) Counterurbanization in Britain. *The Geographical Journal*. Vol. 155. No. 1: 52–59.
- Dear M., Flusty S. (1998) Postmodern Urbanism. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 88. No. 1: 50–72.
- Dirksmeier P. (2008) Strife in the Rural Idyll? The Relationship between Autochthons and In-migrants in Scenic Regions of South Bavaria. *Erdkunde*. Vol. 62. No. 2: 159–171.
- Fielding A. (1982) Counterurbanisation in Western Europe. *Progress in Planning*. 1982. No. 17: 1–52.
- Halfacree K. (2012) Heterolocal Identities? Counter-urbanisation, Second Homes, and Rural Consumption in the Era of Mobilities. *Population, Space, and Place*. Vol. 18. No. 2: 209–224.
- Herslund L. (2012) The Rural Creative Class: Counterurbanisation and Entrepreneurship in the Danish Countryside. *Sociologia Ruralis*. Vol. 52. No. 2: 235–255.
- Ilyin V.I. (2017) Russian Traditional Cottage in the Process of Social Transformation from the Rural Dwelling to Summer House. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]. No. 4: 454–468. (In Russ.)
- Milbourne P. (2007) Re-populating Rural Studies: Migrations, Movements and Mobilities. *Journal of Rural Studies*. Vol. 23. No. 3: 381–386.
- Mitchell C.J., Bunting T.E., Piccioni M. (2004) Visual Artists: Counter-urbanites in the Canadian Countryside? *Le Géographe canadien/Canadian Geographer*. Vol. 48. No. 2: 152–167.
- Nefedova T.G., Averkieva K.V., Makhrova A.G. (eds) (2016) *Between the Home and... Home. Return Spatial Mobility of Population in Russia*. Moscow: Novyj khronograf. (In Russ.)
- Nefedova T.G., Nikolaeva U.G., Pokrovsky N.E. (2016) Intelligentsia in the Space of Non-urban Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 52–61. (In Russ.)
- Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Treivish A.I. (2016) Urbanization, Counterurbanization, and Rural–Urban Communities Facing Growing Horizontal Mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 195–210. (In Russ.)
- Patsiorkovsky V.V. (2012) Spatial Organization of Post-industrial Society: Reproduction, Movement and Population Settlement. *Rossiya i sovremennyyi mir* [Russia and the Contemporary World]. No. 4: 121–133. (In Russ.)
- Pike A., Dawley S., Tomaney J. (2010) Resilience, Adaptation, and Adaptability. *Cambridge Journal of Regions, Economy, and Society*. Vol. 3. No.1: 59–70.
- Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (2013) 'Cellular Globalization' and Tendencies in Rural Communities of the Russia's Near North. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 13–23. (In Russ.)
- Ritzer G. (2003) Rethinking Globalization: Glocalization/Grobalization and Something/Nothing. *Sociological Theory*. Vol. 21. No. 3: 193–209.
- Sheller M., Urry J. (2006) The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning*. No. 38: 207–226.
- Solana-Solana M. (2010) Rural Gentrification in Catalonia, Spain: A Case Study of Migration, Social Change and Conflicts in the Empordanet Area. *Geoforum*. Vol. 41. No. 3: 508–517.
- Toshchenko Zh.T. What is a Modern Russian Village? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 89–98. (In Russ.)
- Velikiy P.P., Toshchenko Zh.T. (2018) The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 27. No. 1: 7–33. (In Russ.)
- Zelinsky W., Lee B. (1998) Heterolocalism: an Alternative Model of the Sociospatial Behaviour of Immigrant Ethnic Communities. *International Journal of Population Geography*. No. 4: 281–298.

Received: 17.07.19. Final version: 02.09.19. Accepted: 14.10.19.